

ИГОРЬ КЛЕХ

ПРОФЕССИЯ: ДАЧНЫЕ ПУГАЛА

№25 1997

ИЗ ЦИКЛА "МОСКВА ПОДМОСКОВНАЯ"

В.П.

- Что, Игореша, страшно? - Страшно, страшно. - А почему тебе так страшно? - Страшно перед белым листом. Страшно, потому что пишешь не ты. И захочет ли он сегодня последовать за твоей рукой, или, напротив, накажет ее... Не бумагу страшно портить, что-то другое.

- Ну тогда иди поспи. - Вот я и хочу. А проснусь, тогда вместе попробуем, да?

- Ладно, там посмотрим.

Не знаешь даже, с какой стороны подступиться. Параша вынесена, использованная бумага сожжена. Кофе выпит. Весь. А тот текст все также далеко. Значит ли это, что и он не нужен?..

* * *

Жалко все-таки, что не была вчера на верхушке одной из сосен прикреплена кинокамера. В ее объективе отпечаталось бы, как ведущий критик, копнув лопатой под брошенным на землю алюминиевым листом, сразу дошел до чуть присыпанных землей экскрементов. Прозаик, перед тем услужливо предложивший копать ему именно здесь и откинувши лист, ведь предупреждал его:

- Гляди, Астапов, как бы не наткнуться тебе на гавно.

Дух тронутого лопатой клада моментально перебил дух соснового бора, и критик, зажимая ладонью губастый рот, опротясь к ближайшим соснам, волоча за собой оскверненную только что им лопату. Оба, и еретик и прозаик, давно разучились некоему немудреному искусству, и только странными какими-то гортанными криками, кружась под соснами, как шаманы в трансе, имитировали позы на рвоту.

Стояло изумительное позднее бабье лето в Подмосковье. Согласно раскачивались на ветру сосны, раслаивая хвоей свет, в союзе с летучими облачками обращая дачный сад в игрище светотени, в трубу солнечного калейдоскопа с распрыгавшимися тут и там без счета дымчатыми солнечными зайцами так, что голова шла кругом, с дощатой теплицей в обрывках полиэтилена, трепещущей, как летательный аппарат, попавший в небесную переделку и едва дотянувший до аэродрома, - пошед-

ший давно на списание, - его прикрывала крыльями, будто насадка, обветшавшая потемневшая дача тех же, примерно, времен: парусиновых туфель, зубного порошка, фотоаппарата "лейка", духовых оркестров в парковых "ракушках", чистых поездов дальнего - ох, какого дальнего! - следования... Где-то грохотала электричка, и звук ее исчезал вдали, сжимаясь, как пружина эспандера. Шли на посадку самолеты в Быково, - трасса их пролегла над дачным участком.

Наконец, прозаик, перестав кружить, но все еще глядя поверх человеческого - во всяком случае - роста, приблизился к сортиру. Решительно войдя внутрь, он смело заглянул под сиденье, чтоб оценить габариты и особенности конструкции щедро переполненного писателями ведра, - и столь же решительно вышел. Вернувшись к месту раскопок, он поискал в кустах и нашел под забором проржавевшую рессору, похожую на коромысло. Потрясая рессорой, он натянул на руки полиэтиленовые кульки; критик облачился в белые шерстяные, чуть замасленные, перчатки из гаража. Они уже понимали друг друга без слов и, зайдя с тыльной стороны сортира, оценили теперь ситуацию оттуда. Критик недоуменно похлопал рукой по странной четырехгранной дощатой трубе, тянущейся по задней стенке сортира и завершающейся наверху двустворчатой крышей, как у скворечника. На невысказанный его вопрос прозаик уверенно заявил:

- Для пуков.

Дружно глядя каждый в свою сторону от ведра, они взялись за проволоку, прикрепленную к его ручке. Ведро грозно накренилось. Прозаик выпустил свой конец и принялся осторожно двигать рессорой, стараясь держаться ближе ко дну ведра. Критик страховал, широко разведя концы проволоки. Наконец, оно явилось на свет с верхушкой чуть срезанной нижней доской задней стенки сортира. Стремительно подведя рессору под ручку ведра и сговорившись двигаться фронтом, а не гуськом, - поскольку, в противном случае, задний скорбел бы неизмеримо больше вырвавшегося вперед, - они побежали по дорожке, отводя каменные лица в стороны и кося глазами под ноги, подобно пристяжным в русской тройке.

Донеся свою ношу до однажды тронутого ими лопатой места и выдернув рессору, они разбежались в стороны и вновь принялись издавать гортанные сдавленные звуки, но уже по очереди. Потому что, пока критик стоял в обнимку с сосной, - как и подобает русскому литературному критику, когда поблизости не оказывается березы, - и громко икал, юркий прозаик, описав большой круг, вернулся к ведру с другой стороны и, схватив его полиэтиле-

новыми лапами, опрокинул, как врага на ковер. Тут же пристукнув железной рессорой по дну ведра, он без промедления сдернул его, подобно гигантской детской паске, и, отбросив в сторону, с воем убежал под сосны. Оседавший, расплзающийся, как куча, враг словесности, - в лице лучших ее представитель, - дивно неотчуждаемый от нее, по всему виду, включенный в ее состав, был повержен на этот раз. Дух по дачному участку пошел такой тяжелый, что тот первоначальный, вызволенный штыком лопаты, казался теперь легким, умопостигаемым лишь, дуновением тлена, как на кладбище. Прозаику показалось это столь невыносимым, что, пока критик ополаскивал парашу заготовленным ведром воды, он вернулся, превозмогая отвращение, к куче и кинул на нее сверху алюминиевый лист.

- А присыпать землей? - изумился, распрямляясь, критик.

- Потом, - выдал из себя прозаик. И критик понял. Хотя сквозь сжатые губы прозаика не протиснулось ни единого гласного звука в этом слове. Увидев, что критик молчит, прозаик добавил, по-прежнему держа зубы сцепленными, но уже раздвигая губы:

- П-сть схватится к-ркой.

Вернув парашу на ее законное место, они шли теперь рядом по садовой дорожке, стягивая на ходу перчатки, будто после ответственной, но удачно завершившейся операции.

- Видишь, кто не служил в армии, все равно, пусть двадцать лет спустя будет вынужден это узнать. Хорошо, если двадцать, - рассуждал прозаик.

- Ноша взрослого человека - делать то, чего ему не хочется делать, - продолжал он разговаривать уже сам с собой.

- Куда они нас зовут!? - зло предавался своему дискурсу критик. - Отказ от цивилизации! Да первому же "почвеннику" я теперь при встрече по морде съезжу! - гонял он желваки и театрально скрежетал зубами.

Впереди была долгая и, судя по обилию ос, морозная зима. Каждый старался не думать о тех трудностях, которые она должна была принести с собой.

А вечером, глядя в телевизор на обнаженную Марию Шнайдер в ванной, с болтающимися баллонами грудей, один из них вдруг сокрушенно констатировал:

- До чего я дошел, - я думаю о ванне!..

Кратово, Рязанской железной дороги

33-62-10
443099, Самара,
ул. Куйбышева, 102

Отпечатано в
издательстве
"Самарский Дом
печати"
Общий тираж
Заказ N
Цена договорная

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Гл. редактор
С.М. Лейбград
Зав. отделом
информации
И.В. Шелехова
Корр. по
Москве
А.Ю. Макаров
Художник
Е.А. Романова

ОМПИ

Мнения редакции
и авторов могут не
совпадать

ОМПИ

Учредитель Издательский дом "ВСЕ и ВСЕ"

ВСЕ & ВСЁ

Газета зарегистрирована в Комитете РФ по
печати в Москве. Регистрационный № 014202